
ПОЧЕМУ АРЕНДТ ВАЖНА: ПЕРЕЧИТЫВАЯ «ИСТОКИ ТОТАЛИТАРИЗМА»

Р. Беркович
Бард-колледж (Нью-Йорк, США)

Аннотация: Журнал «Политическая Концептология» публикует перевод англоязычной статьи Роджера Берковича «*Why Arendt Matters: Revisiting The Origins of Totalitarianism*», представленной в журнале *The Los Angeles Review of Books* 18-го марта 2017 г.¹ Перевод и публикация осуществлены с согласия самого автора.

Ключевые слова: тоталитаризм, массовые движения, пропаганда, террор, Ханна Арендт.

Поразительное заявление Дональда Трампа на предвыборном митинге в штате Айова в январе 2016 года кажется существенным моментом в его неожиданном приходе к власти: «Я могу встать посреди Пятой авеню и выстрелить в кого-нибудь, — сказал он, — и я не потеряю избирателей» [Бенедиктов 2016]. Это заявление Трампа представляет собой больше, чем просто логический вывод опросов, свидетельствующих о беспрецедентной верности его сторонников. Он понял, что не проводит предвыборную кампанию, а является лидером массового движения. Самое главное, он понял то, что его критикам ещё не удаётся понять: истинную природу преданности в массовых движениях.

Массовые движения, пишет Ханна Арендт в своей книге 1951 года «*Истоки тоталитаризма*», являются одним из основных элементов тоталитаризма. Однако не все массовые движения являются тоталитарными, поэтому заявление президента Трампа, даже если отнестись к нему со всей серьёзностью, не означает, что он тоталитарный лидер или что он возглавляет тоталитарное движение. Он не призывал к созданию концлагерей, незаконных арестов, организации тайной полиции, а также к диктатуре партийного аппарата над государством, которые являются основными элементами тоталитарной власти. Описание Арендт массовой депортации иммигрантов, не имеющих документов, что неприемлемо в сущности, — это не то же самое, что денатурализация, тюремное заключение или депортация граждан. Следуя здравому смыслу и не уходя от реальности, мы все же можем представить на минуту, что Соединённые Штаты переживают тоталитаризм.

Однако игнорировать важные сходства, которые можно разглядеть между самопровозглашённым движением президента и тоталитаризмом, в равной степени безответственно.

¹ См.: Berkowitz 2017.

Президент Трамп неоднократно утверждал, что он возглавляет «движение, которого мир прежде не видел» [Речь президента США... 2017]. Он проявил готовность установить личный контроль над реальностью. Он позиционировал себя неким двуликим Янусом, способным представить своим последователям одну версию реальности, а другую — внешнему миру. Это все те черты, которые Арендт отводит лидерам тоталитарных движений.

Всегда есть соблазн рационализировать то, что происходит в политике. Однако в каждом из нас живёт руководимый здравым смыслом голос, говорящий нам о том, что Трамп — это просто ещё один образец американского популизма. Этот голос, скорее всего, прав, но нам все же следует опасаться подобных голосов, предупреждает Арендт, поскольку «путь к тоталитарному господству лежит через многие промежуточные стадии, для которых мы можем найти многочисленные аналогии и прецеденты» [Арендт 1996: 571].

I

Понимание Арендт истоков тоталитаризма начинается с ее идеи о том, что массовые движения основаны на «атомизированных, изолированных индивидах» [Там же: 430]. Одинокие люди, которых Арендт рассматривает как приверженцев движений, не обязательно являются бедными или выходцами из низших классов. Они представляют «нейтральных, политически равнодушных людей, которые никогда не присоединяются ни к какой партии и едва ли вообще ходят голосовать» [Там же: 415]. Они зачастую образованны и редко следуют собственным интересам. Арендт пишет, что Генрих Гиммлер имел в виду этих изолированных индивидов, когда утверждал, что они интересовались не «повседневными проблемами», но только «идеологическими вопросами, важными на целые десятилетия и века, так что наш человек [...] знает: он работает на великую задачу, которая является лишь раз в два тысячелетия» [Там же: 420]. Сторонники движений не руководствуются материальными интересами; ими «овладевает желание уйти от реальности, потому что благодаря своей сущностной неприкаянности они больше не в состоянии постичь ее случайные, непонятные аспекты» [Там же: 464].

Движения стремятся к разрушению реальности. Поскольку реальный мир ставит перед нами вызовы и препятствия, реальность становится неясной, беспорядочной и тревожной. Движения же стремятся к созданию альтернативных реалий, которые позволят их приверженцам занять в мире стабильное место. На фоне экономических потрясений и потери прочной идентичности утверждается нацистское обещание превосходства арийской расы. Сталин понимал, что люди легко забудут ложь и массовое убийство, если это будет соответствовать их интересам. Кроме того, тоталитарные движения «создают целый лживый мир непротиворечивости, который более соответствует потребностям человеческого разума, чем сама реальность» [Там же: 466].

Симона Вейль писала, что «укоренение — это, может быть, наиболее важная и наименее признанная потребность человеческой души» [Вейль 2000: 61]. Тогда как тоталитарные движения достигают успеха, когда людям без определённого положения в обществе предлагается то, чего они хотят больше всего: идеологический мир, нацеленный на великие нарративы, придающие смысл их жизни. Постоянно повторяя несколько ключевых идей, манипулирующий лидер обеспечивает их чувством укоренения, основанным на слаженной выдумке, которая в свою очередь «непротиворечива, постижима и предсказуема» [Арендт 1996: 464].

Причина, по которой проверка достоверности фактов сегодня неэффективна, по крайней мере, для убеждения тех, кто является членами движений, состоит в том, что члены движения сталкиваются с миром, который не поддается их желаниям, и в результате взамен реальности они отдают свое предпочтение обещанию непротиворечивого альтернативного мира. Так, например, когда Дональд Трамп говорит, что собирается построить стену для за-

щиты границ, он не делает фактического заявления, что стена действительно защитит границы, он посылает сигнал политически некорректной готовности поставить Америку на первое место. Когда он говорит о махинациях на выборах или хвастается своей инаугурационной толпой, он не имеет в виду действительные факты, а настаивает на том, что его избрание было законным. «Не факты убеждают массы и даже не сфабрикованные факты, а только непротиворечивость системы, частью которой они, по-видимому, являются» [Там же: 464].

Лидерам этих массовых тоталитарных движений не нужно верить в истину собственных обманов и идеологических клише. Суть их выдумок заключается не в установлении фактов, а в создании когерентной вымышленной реальности. Определение непротиворечивого нарратива в сочетании с умением исключить способность различать правду и ложь, реальность и вымысел — это как раз то, что требуют движения от своих лидеров.

То умение, которым обладает президент Трамп, — способность переделать каждое утверждение факта в декларацию цели — есть мастерство, которое Арендт приписывает элите в тоталитарных движениях. Трамп инстинктивно чувствует те слова, фразы и инсинуации, которые придают движению порядок и смысл. Он ссылается на расизм, сексизм, антисемитизм и исламофобию и тем самым позволяет своим сторонникам строить нарративы об Америке, величие которой и восстановит Трамп. Он кажется единственным человеком в стране, желающим сказать правду, раскрыть скрытые истины, которые цивилизованное общество и элиты отказываются произносить и обсуждать, дабы никого не обидеть.

Факты сегодня фабрикуются всеми. Например, широко обсуждается то, как Дональд Трамп назвал всех мексиканцев преступниками и расистами. Многим журналистам известно, что президент сказал не это, однако газета *The New York Times* неоднократно печатает эту ложь в новостных статьях. Точно так же люди говорят о «мусульманском запрете» Трампа, зная, что исполнительный приказ президента не выделяет мусульман. Многие признают, что Трамп является антисемитом, но для полного убеждения не хватает достаточно доказательств. Берни Сандерс также мобилизовал движение одиноких и отчуждённых космополитов, многие из которых стремились подавить инакомыслие и наказать отклонения от идеологического центра движения. Оппозиция, подобно движению, возглавляемому президентом Трампом, также обладает характерными свойствами движения, отрицающего реальность.

Однако между фальсификациями президента Трампа и его критиков есть важная разница. Ни последователи Сандерса, ни критики Трампа в средствах массовой информации не ушли от реальности так далеко, как президент Трамп. Они продолжают проявлять уважение к беспристрастной правде. Когда им показывают, что они фальсифицируют факты, их наказывают. Они могут продолжать свою неправду, убеждённые в том, что их вымыслы более полезны, чем факты; они могут предпочесть жизнь в пузырьках реальности явным разногласиям. Они признают свое лицемерие, когда преувеличивают или меняют истину; они все еще могут смущаться и стыдиться. Газета *The New York Times* и средства массовой информации по-прежнему верят в идеал истины.

Напротив, президент Трамп, никогда не признает, что он не прав, что он совершает фактическую ошибку. Он не извинился и не признал своих ошибок, даже когда заявил, что президент Обама родился в Соединённых Штатах, или когда отказался от поддержки Дэвида Дюка. Настаивая на своей способности устанавливать фактическую реальность, он отрицает авторитет профессионального класса журналистов, государственных чиновников, общественных деятелей и американцев, ориентированных на реальность. Отказ президента от реальности — это своего рода самоограничивающее, самонадеянное утверждение того, что он, как голос народа, обладает достаточной силой, чтобы уйти от реальности.

Все движения используют пропаганду для поддержки их вымышленных реальностей. Но тоталитарные движения, пишет Арендт, выходят за рамки пропаганды и переходят в насилие. «Утверждение, что московское метро является единственным в мире, лживо лишь тех пор, пока у большевиков не хватает власти разрушить все остальные» [Там же: 460]. А утвер-

ждение, что евреев нужно уничтожить, потому что они являются причиной мирового зла, можно доказать только путём убийства евреев. Для того чтобы сказать, что «никогда не было главнокомандующего Красной Армией по фамилии Троцкий» требуется власть, а не просто пропаганда [Там же: 460]. Именно такая власть, превращающая лживую реальность в истинную реальность, устанавливается и актуализируется тоталитарными правительствами. Тоталитарные движения не стремятся дискредитировать частные факты; они стремятся развить «крайнее презрение к фактам как таковым, поскольку, по их мнению, факт полностью находится во власти человека, способного сфабриковать его» [Там же: 462].

«Подгонка реальности под собственную ложь» — это именно та способность, которую Арендт находит в тоталитарных движениях до того, как они действительно получают власть это сделать [Там же: 462]. «Идеальный подданный тоталитарного режима — это не убеждённый нацист или убеждённый коммунист, а человек, для которого более не существуют различия между фактом и фикцией (т. е. реальность опыта) и между истиной и ложью (т. е. нормы мысли)» [Там же: 615]. Только те, кто полностью признает цинизм, могут быть вечно преданы лидеру, который обещает придать важность бесцельности человеческой жизни.

Таким образом, Арендт показывает, какую опасность несут движения, а также то, что они могут быть центральными элементами тоталитаризма, поскольку обеспечивают психологическую основу для «тотальной преданности», той, которой, как считает Трамп, он справедливо обладает среди своих самых верных сторонников. «Такой преданности, — пишет она, — можно ждать лишь от полностью изолированной человеческой особи, которая при отсутствии всяких других социальных привязанностей — к семье, друзьям, сослуживцам или даже просто к знакомым — черпает чувство прочности своего места в мире единственно из своей принадлежности к движению» [Там же: 430].

II

После выборов президента Трампа продажа книги *«Истоки тоталитаризма»* возросла, превышая в один прекрасный момент обычное количество продаж в 16 раз. В основанный и возглавляемый мной центр Ханны Арендт в Бард-колледже вступили свыше 100 новых членов, а наша виртуальная читательская группа по *«Истокам тоталитаризма»* стала больше в два раза. Писатели и эксперты газеты *The New York Times* и журналов *The Atlantic* и *The New York Review of Books* часто ссылались на 500-страничный шедевр Арендт. Так чему же может научить нас книга Арендт сегодня?

«Истоки тоталитаризма» напоминает нам об ужасной действительности и исторически беспрецедентной природе тоталитарных правительств в нацистской Германии и сталинском Советском Союзе. Фашизм в той мере, в какой он стремился взять верх над государственной властью, был вариантом тирании. Но тоталитаризм, как экспансивное движение, направленное на мировое господство, был чем-то абсолютно новым. Он был тесно связан с глобальными устремлениями империализма, и это было бы невозможно без возникновения идеологического расизма, который мог оправдать массовые денатурализации, массовые депортации и массовые убийства. До этого, как утверждает Арендт, ещё не было такой формы правления, которая так решительно бы стремилась уничтожить достоинство своего народа.

Тоталитарное правительство уникально в стремлении «уничтожить правовое начало в человеке» посредством незаконных арестов; уничтожить нравственное начало в человеке, убив его за колючей проволокой и лишив его достойной смерти; и уничтожить «неповторимость отдельного человека», превратив его в животное [Там же: 588]. В отличие от прошлых авторитарных режимов, тоталитаризм XX-го века обладал более логично необходимыми устремлениями — «установление такой системы, в которой люди совершенно не нужны» [Там же: 592]. Тоталитаризм начинается и заканчивается пониманием того, что «тотальной власти можно достичь и затем сохранять ее только в мире условных рефлексов, в мире мари-

онеток, лишённых слабейшего признака самопроизвольности» [Там же: 592]. Цель состоит не только в том, чтобы управлять людьми, но и управлять ими изнутри. Иными словами, тоталитаризм нацелен на «тотальное господство» над человеческим населением.

На пути к тотальному господству террор является сущностью тоталитарного правления. «Террор подчинён закону, если таковым считать закон движения некой сверхчеловеческой силы, Природы или Истории» [Там же: 603]. Советский Союз использовал террор для актуализации исторического материализма Маркса. Нацисты использовали террор, чтобы добиться социал-дарвинистской идеи выживания сильнейшего. Террор разрушает пространства между людьми и сжимает их в единую массу идеологически унифицированных существ, яростно стремящихся воплотить научно доказанный исторический или расовый закон. Таким образом, «террор — это осуществление внутреннего закона движения; его главная цель — обеспечить силам природы или истории свободный бег сквозь косную среду человечества, бег, не тормозимый никаким стихийным, самопроизвольным человеческим действием» [Там же: 603].

В террористической системе концентрационные лагеря и лагеря смерти являются не просто случайным явлениям, но логическим исходом системы, выступающей за уничтожение человеческой свободы и человеческой самопроизвольности. Арендт снова и снова говорит о том, что концентрационные лагеря бесполезны с утилитарной точки зрения. Нацистам и большевикам было бы гораздо проще убивать заключённых и нежелательных лиц на полях или в деревнях. Лагеря были пустой тратой усилий, а с экономической точки зрения еще и затратными. Однако они обучали и проводили эксперимент того, чего могли бы достичь абсолютный террор и неопределённый террор, — отрицание действительности и раскол человеческого духа.

Сегодня принято объединять все различные типы лагерей, используемых тоталитарными и дототалитарными режимами. Но Арендт выделяет по крайней мере три вида: лагеря беженцев, используемые как в тоталитарных, так и в нетоталитарных странах, функционируют для того, чтобы скрыть из виду «нежелательных лиц — беженцев, не имеющих гражданства, асоциальных лиц и безработных» [Там же: 577]; трудовые лагеря, существующие в Советском Союзе, где «пренебрежение и заброшенность соединяются с хаотическим принудительным трудом» [Там же: 577–578], чтобы создать Чистилище, ворота в Ад; и, наконец, лагеря смерти, усовершенствованные нацистами, целью которых было не только физическое истребление, но и сокращение жизни «испытанием всевозможных мучений» [Там же: 578]. По словам Арендт, «лагеря всех трех типов имели одну общую особенность: человеческие массы в них изолировались и рассматривались как более не существующие, словно происходящее с ними более не представляет ни для кого интереса, словно они уже умерли» [Там же: 578]. Целью этих лагерей было принятие террора, он же «принуждает к забвению» [Там же: 575].

Принудительное забвение не является чем-то необычным в современном мире. Так, существует более 21 миллиона беженцев, большинство из которых живёт во временных и даже квази-постоянных лагерях для беженцев. Жители таких лагерей все чаще становятся людьми невидимыми и лишними, которые существуют в противоречии с принципом «равенства перед законом». Хотя эти лагеря на первый взгляд опасны только для беженцев и лиц без гражданства, они представляют собой также опасную модель борьбы с проблемными и лишними гражданами. Как пишет Арендт,

«Чем яснее доказательства их неспособности [государства] обращаться с безгосударственными людьми как с правовыми субъектами и чем больше объем произвольного управления при помощи полицейских указов, тем труднее для этих государств противиться искушению лишить всех граждан правового статуса и править ими, опираясь на всемогущую полицию» [Там же: 389]

Усиление почти беспрепятственного государственного надзора является одним крайним примером того, что может означать всемогущая полиция. То же касается и массовых тюремных заключений в Соединённых Штатах: один из ста взрослых сидит в тюрьме, один из 31 американца находится под контролем исправительных учреждений, а один из шести афроамериканцев попадёт за решётку. Эти тюрьмы и лагеря не являются тоталитарными. Но они нормализуют принудительное забвение, которое утверждает Арендт, является одним из элементов тоталитарного господства.

III

«Истоки тоталитаризма» также предупреждает нас об опасностях антисемитизма и расизма, когда они «заряжены» идеологиями. Книга Арендт начинается с довольно объёмного эссе об «Антисемитизме». Арендт удивляется несоответствию между фактической незначимостью еврейского вопроса в мире и тем фактом, что именно еврейский вопрос стал «пусковым механизмом всей этой дьявольской машины» тоталитаризма [Там же: 35]. Тем, кто заявляет, что антисемитизм был просто пропагандой, используемой для раскачивания масс, она возражает, что идеологический антисемитизм оказался необходимым оправданием для террора.

Ключевое понимание удивительного подхода Арендт заключается в том, что антисемитизм — это светская идеология XIX-го века и, следовательно, не связана с длинной историей религиозной «ненависти к евреям». Арендт отвергает традиционную орфографию «*anti-Semitism*» и вместо этого пишет «*antisemitism*», указывая тем самым на светский и идеологический характер антисемитизма, который на практике не имел ничего общего с ненавистью к евреям. Нацисты приняли антисемитизм, чтобы подтвердить свою веру в себя как ведущей расы, выполняющей пророческую миссию судьбы.

Понимание антисемитизма как идеологии связывает его с расизмом. Подобно тому, как Арендт отличает идеологический антисемитизм от ненависти к евреям, она также отличает идеологический расизм от того, что она называет «расовым подходом» — «одним из многих свободных точек зрения», которые высказывают суждения, основанные на расе [Там же: 230]. Хотя расовое мышление может представлять собой ложные предрассудки, это просто мнение, аргумент: «никогда он не обладал какой бы то ни было монополией в политической жизни соответствующих сторон» [Там же: 260]. Расовый образ мышления, утверждает Арендт, избегает идеологического расизма, в котором одна раса воспринимается ведущей расой, а другая — низшей.

Расизм, а не расовый образ мышления играет существенную роль сначала в оправдании империализма, а затем тоталитаризма. Империалистическое правление требует оправдания насилия по отношению к народу, который им управляется. Такое оправдание возможно только на основе расизма, поскольку «империализму понадобилось бы изобрести расизм как единственное возможное «объяснение» своих действий» [Там же: 260]. Для Арендт это расизм, а не расовый образ мышления, что действительно опасно. «Между теми, кто создаёт блестящие и остроумные концепции, и теми, кто осуществляет жестокие и зверские деяния», — пишет она, формулируя это различие, — «пролегает пропасть» [Там же: 260].

Связь расизма с империализмом, а затем и тоталитаризмом, которую видит Арендт, должна остановить тех, кто видит в президенте Трампе «приступы» тоталитаризма. Хотя президент проявил чёткую готовность участвовать в предвзятом расовом способе мышления, он все же старательно избегает идеологической формы расизма, которая могла бы оправдать виды насильственных и жестоких действий, требуемых от тоталитарных режимов. Напротив, идеологическая гибкость и прагматизм президента противоречат идеологическому мышлению, которое оправдывает тоталитарное господство.

Одним из предрассудков, по которым президент или, по крайней мере, некоторые из его помощников, похоже, готовы вооружиться идеологией, является исламофобия — я использую строчную букву «и» таким же образом, как Арендт писала «антисемитские» со строчной буквой «с», чтобы показать, что исламофобия является светской идеей XXI-го века. Стивен Бэннон утверждал, что ислам — это не религия мира, ислам — это религия покорности, ислам означает подчинение. Но Бэннон не говорит об исламской религии; его целью является не ислам, а демонизация ислама как средства оправдания войны, которая оживит американский национализм. Идеология Бэннона понятна в сценарии фильма 2007 года, где он пишет, что путь к созданию Исламской Республики в Соединённых Штатах начинается медленно и тонко с потерей воли к победе; и его речь в 2014 году в Ватикане, где он заявил, что мы находимся в прямой войне против джихадистского исламского фашизма. Суждения Бэннона о том, что ислам — это низшая религия, которая должна быть побеждена в войне, не имеет отношения к религии; это идеологическое оправдание систематической войны, изгнания и прочих худших явлений.

Президент Трамп отверг формулировки Бэннона об исламе, но только косвенно через представителя. В своем выступлении перед Конгрессом в начале марта президент упомянул об антимусульманском нападении на двух индийских американцев наряду с нападениями на еврейские институты, сказав: «угрозы, с которыми недавно столкнулись еврейские общинные центры, и вандализм на еврейских кладбищах, а также стрельба, произошедшая на прошлой неделе в Канзас-Сити, напоминают нам о том, что хотя наша страна, возможно, и разобщена в политическом плане, она едина в своем осуждении ненависти и зла во всех его уродливых проявлениях» [Речь Дональда Трампа... 2017].

Но президент не заявил конкретно, что жертвами нападения в Канзас-Сити были индусы или то, что они, возможно, были мусульманами. Такие неопределённые отказы от идеологической исламофобии неадекватны.

Хотя президент не предлагал ничего подобно расовому, антисемитскому или исламофобному оправданию рабства, изгнания или геноцида, его «заигрывание» с теми посторонними, которые приводят такие оправдания, в высшей степени опасно. Расстояние между идеологией превосходства и неполноценности, с одной стороны, и массовыми изгнаниями и геноцидом — с другой, является морально обширным, но практически узким. В какой-то момент во время кампании Трамп отверг идею мусульманского реестра в Соединённых Штатах по соображениям национальной безопасности. Что же случится после следующей террористической атаки? Президент Трамп таким образом отказался открыто осуждать идеологические и физические нападения на мусульман, что, возможно, является главной причиной тревоги по поводу тоталитарного потенциала его движения.

IV

Единственной идеологией, которую продвигал президент Трамп, является национализм. Удивительно, но это единственная идеология, которая, как утверждает Арендт, несовместима с тоталитарным правительством. Внутренне легитимность национального государства представляется исходящей от народного суверенитета и основанной на равных правах всех граждан, тем самым она препятствует тоталитарной потребности в неограниченном господстве. Внешне национализм даёт предпочтение ограниченным интересам по сравнению с мировым господством. Стремясь управлять детерминированным и ограниченным национальным государством равных граждан, национализм по своей сути выступает против тоталитаризма.

Националистическое движение президента Трампа может походить на пан-европейские движения конца XIX-го века, которые, как утверждает Арендт, были ближайшими предшественниками нацизма и большевизма. Одним из ключевых элементов этих двух дототалитар-

ных движений является то, «что они называли себя «движениями», самим названием показывая глубокое недоверие ко всем партиям, — явление, уже широко распространённое в Европе на рубеже веков» [Там же: 342]. Пандвижения представляли себя действующими вне всяких рамок. Это отношение было основано на «отчуждении масс от управления» и их «ненависти и отвращении к парламенту» [Там же: 348].

То, что объединяет движения, — это не интерес, а настроение: движения «открыли, насколько важнее для привлечения масс общее настроение, чем твёрдые принципы и платформы» [Там же: 353]. Настроение, которое мобилизуют движения, являются одним из постоянных движений. Арендт приводит рассказ Николая Бердяева о молодом советском человеке, который приехал во Францию и жаловался, что во Франции нет свободы, поскольку там ничего не меняется. Для изгнанников из коммунистического движения свобода означала волнение, а не скуку. Точно так же нацисты ссылались на Веймарскую Республику как на *Systemzeit*, «время системы». Очевидным следствием было то, что «это время было бесплодным, лишённым динамизма, «не двигалось» и потому сменилось их «эрой движения», настроением эпохальных событий [Там же: 353].

Скорость сегодняшней политики, гнев и взаимные обвинения, а также обвинения и шутки — все это свидетельствует о том, что Арендт называет тоталитарным настроением, «манией вечного движения у тоталитарных движений, которые могут сохранять власть, только пока они движутся сами и приводят в движение все вокруг себя» [Там же: 408]. Все политики используют социальные сети и стремятся сделать политику забавной и увлекательной. Каждый политик теперь действует против скучной посредственности Вашингтонской политики. Но Трамп — единственный, кто готов воспользоваться всецело маниакальным потенциалом настроения, приветствующего разрушение, жестокость и убийство характера как долгожданную отсрочку от скуки современного существования.

Недавние колкие высказывания насчёт президента Обамы, несмотря на то, что он хвалил его только месяц назад, — это лишь самый недавний пример того, как президент Трамп апеллирует к настроению электората, нуждающемуся в постоянном отвлечении, разрушении и развлечении. Изменчивость Трампа, то есть неизвестность относительно того, когда он развернётся на 180 градусов или начнёт атаковать сегодня того, кого хвалил вчера, отражает «исключительную приспособляемость и отсутствие преемственности во взглядах», которая, с точки зрения Арендт, представляет собой сущность «особого тоталитарного вируса» [Там же: 408].

Между тем остаётся фундаментальное противоречие между националистическим и ограниченным характером политики президента Трампа и постоянно меняющимися перестановками, которые следуют из его твитов. С одной стороны, политика президента может вписаться в националистические рамки. Его политика в целом консервативна и сообщает о необходимости ограниченного правления и ограниченной власти. С другой стороны, бесконечно запутанные твиты президента напоминают о консервативном настроении, отождествляемом с дототалитарными движениями.

Эта мания Трампа, а не его политика напоминает многие движения, доминирующие в Европе в 1920-х и 1930-х годах. В то время как два из них закончились тоталитаризмом, большинство же вылились в более типичные авторитарные режимы. В нашем современном акценте на нацизме и большевизме мы часто забываем, что почти каждая страна в Европе уже управлялась демократически избранными диктатурами в начале Второй мировой войны. Главным исключением было Соединённое Королевство и Соединённые Штаты по ту сторону океана. Арендт ставит вопрос: почему распад классов, презрение к партиям и государствам и рост движений увенчались успехом в захвате правительства на континенте, но не в англо-американских странах?

Для ответа на вопрос Арендт обращается к двухпартийной системе в Великобритании и Соединённых Штатах в отличие от многопартийных демократий, которые были нормой в

континентальной Европе. В двухпартийной системе каждая сторона в какой-то момент планирует управлять государством, тогда как в многопартийной системе каждая партия «сознательно определяет себя как часть целого» [Там же: 344]. На континенте стороны представляли частичные интересы, и для оправдания этих интересов были вынуждены принять идеологии, рассматривая их партизанские интересы в качестве общих интересов человечества.

С другой стороны, в англо-американской системе «власть, так же как государство, остаётся в пределах досягаемости граждан, организованных в партии» [Там же: 344]. Поскольку власть всегда находится в пределах досягаемости, пишет Арендт, нет необходимости, «нет места напыщенным спекуляциям о Власти и Государстве, словно бы последние были недоступными человеку метафизическими сущностями, независимыми от воли и действия граждан» [Там же: 344]. Англо-американские партии сначала организуют граждан, а потом членов партии. По крайней мере, это было так до выборов в 2016 году.

Выборы Президента Трампа внутри и за пределами Республиканской партии могут стать прекрасной проверкой аргумента Арендт. Возникает вопрос: будет ли президент действовать в сотрудничестве с его партией как правящей партией государства? Или он попытается захватить государство в пользу одной партии над всеми остальными? Своя партия нужна, чтобы управлять в соответствии с законами, и в то же время он стремится к назначению секретарей кабинета из военных и бизнес-элит, которые находятся за пределами партийной структуры. Его презрение к правительству и институтам государства ощутимо. И все же любая попытка править с надпартийной позиции и с надгосударственного уровня приведут к конфликтам с партией, которую ему необходимо признать в законодательном порядке.

V

Возможно, одним из самых недооценённых элементов тоталитаризма, выявленных Арендт, является подъем политической и социальной власти коррумпированного бизнеса и управляющего класса, а также класс интеллектуалов, которые находят коррупцию забавной, а не возмутительной. В разделе «*Истоки тоталитаризма*» под названием «Временный союз между толпой и элитой» Арендт описывает восприятие в догитлеровской Германии пьесы Бертольта Брехта «*Dreigroschenoper*» (Трёхгрошовая опера): «Пьеса изображала гангстеров как уважаемых бизнесменов и уважаемых бизнесменов как гангстеров. Эта ирония пропадала, когда почтенный бизнесмен в зале воспринимал все как глубокое проникновение в установившиеся нравы и обычаи, а толпа приветствовала как артистическое одобрение гангстеризма». Припев пьесы «*Erst kommt das Fressen, dann kommt die Moral*» («сперва жратва, мораль потом») был встречен бешеными аплодисментами, хотя по разным причинам. «Толпа рукоплескала потому, что поняла это изречение буквально; буржуазия потому, что так долго дурачила себя собственным лицемерием, что успела устать от напряжения и нашла глубокую мудрость в словесном выражении пошлости, которой она жила; элита потому, что находила срывание покровов лицемерия превосходным и чудесной забавой» [Там же: 444].

Иеремия Пичум в пьесе Брехта — бизнесмен, который следит за попрошайками Лондона и отбирает часть их выручки. Пичум видит себя уважаемым бизнесменом по сравнению с бандитом Макхит, по кличке Нож, который женится на дочери Пичума. Брехт надеялся произвести неизгладимое впечатление, показывая расплывчатые грани, отделяющие уважаемых профессионалов от гангстеров; вместо этого, как пишет Арендт, его сатирическое изображение коррупции в веймарском обществе привело к ликованию.

Арендт иронически описывает притягательность сатиры Брехта для буржуазии. Буржуазия страдала от бремени лицемерия. Ей пришлось сохранить свою уважаемость, одновременно выигрывая в сложном мире бизнеса. Сатирическое представление Брехта об

аморальной бизнес-элите было освобождением; аплодисменты показали, что немецкую буржуазию «уже нельзя было шокировать ничем. Она приветствовала обнародование своей скрытой философии» [Там же: 444].

Свидетельством уникальности «*Истоков тоталитаризма*» с точки зрения рассматриваемых тем является и раскрытие скрытой философии буржуазии, выведенной на 200 страницах, где Арендт обращается к Томасу Гоббсу как к «единственно великому философу, которого можно по праву считать исключительно буржуазным, пусть даже его принципы в течение долгого времени не признавались буржуазией» [Там же: 205]. Гоббсовская философия буржуазии проста: «если человек действительно руководствуется не чем другим, как только своими индивидуальными интересами, его основополагающей страстью должна быть жажда власти» [Там же: 205]. Все ограничения — законы и мораль — назойливые ограничения на пути человеческого стремления обрести власть.

Идея Гоббса о человеке как стремящемся к власти, наконец, стала реальностью в 1870-х годах. После двух глубоких депрессий национальные рынки пошли на спад. Чтобы механизм движения экономики продолжал работать, буржуазным бизнесменам нужны были новые рынки. Империализм стал ответом. Буржуазия, которая всегда была аполитичной, предпочитавшей бизнес политике, объединилась с правительствами для обеспечения военной поддержки своих империалистических предприятий. Другими словами, буржуазия вошла в политику, когда ей была нужна политическая поддержка для империалистического стремления к деньгам и власти.

То, что Арендт называет «политической эмансипацией буржуазии», — это требование государственной власти обеспечить частные инвестиции. Иностранные инвестиции — это одно дело, но буржуазия не хотела рисковать своими империалистическими выходками. «Только когда они стали требовать от правительства защиты их капиталовложений [...] произошло их [буржуазии] возвращение в национальную жизнь» [Там же: 218]. Это привело к возникновению особого видения политических институтов «исключительно как инструмента защиты индивидуальной собственности», ориентированного на бизнес [Там же: 218]. По словам Арендт, вход буржуазии в политику привел к жестокому циничному заявлению того, что политика есть неприкрытая власть и деньги.

Голая погоня за властью противоречит респектабельности, которую хотят предприниматели. Арендт утверждает, что буржуазная потребность в накоплении власти была уже давно скрыта за «более благородными традициями» респектабельности и «всем тем лицемерием, о котором Ларошфуко говорил как о комплиментах, раздаваемых добродетели пороком» [Там же: 227]. Но в конце XIX-го века традиционные ценности «испарились», и «старые истины [...]» сделали «благочестивыми банальностями» [Там же: 443]. Притворство респектабельности стало поистине пороком, заставив всех «сбросить лицемерную маску и открыто признать свое родство с толпой» [Там же: 223]. Для Арендт восприятие пьесы Брехта говорит о принятии стандартов толпы со стороны бизнеса и правительственных элит.

Больше презрения со стороны Арендт удостоивается не буржуазия, а реакция элиты на обличение лицемерия. Культурное восприятие вульгарной сатиры в 1920-х и 1930-х годах, пишет Арендт, подтверждают «циничное отвержение почитаемых норм и общепринятых теорий» [Там же: 443]; подъем вульгарной сатиры в Веймарской Германии — и в наше время — несёт в себе «открытое допущение возможности самого худшего и пренебрежение ко всем претенциозным надеждам, что по ошибке легко принималось за отвагу» [Там же: 443]. В нормализации и комической интернализации «установок и убеждение толпы», то, что Арендт называет вульгарной сатирой, признается псевдочестность, проявляющаяся в лицах современности, начиная от Майло Яннопулоса до президента Трампа, которые жертвуют респектабельностью во имя борьбы с лицемерием. Интересно все же, что бы подумала Арендт, узнав о диком успехе телесериалов «Клан Сопрано» (*The Sopranos*), «Карточный домик» (*The House of Cards*) или программе *The Daily Show*, в которых самопровозглашённая элита

отмечает и смеётся над разоблачением очевидного лицемерия бизнесменов, которые являются гангстерами, и политиков, которые являются бизнесменами.

Тоталитаризм и фашизм могут охарактеризовать элиту с точки зрения убеждения, что общество прогнило насквозь. Легко критиковать чрезмерные фантазии нигилистов, которые реагируют на моральную коррупцию бизнеса и правительства насильственными вспышками «осушения болота» и «демонтажа системы». Нам необходимо, Арендт напоминает, помнить «насколько оправданным может быть отвращение в обществе, всецело проникнутом идеологическими воззрениями и моральными стандартами буржуазии» [Там же: 436]. Одна из причин, по которой Майло Яннопулос и президент Трамп настолько популярны, заключается в том, что их разоблачение политической и культурной коррупции несёт в себе долю истины.

Однако разоблачители слишком часто забывают, что каждый из нас носит маску, которая скрывает за нашими публичными лицами наши скрытые пороки. Мир, в котором люди разоблачены, а секреты раскрыты, будет похож на мир, где всякая безнравственность бесстыдна, а все призывы к респектабельности лицемерны. Но позор и лицемерие являются основными человеческими стремлениями. Ненависть против лицемерия — это ненависть против цивилизованной жизни. Опасность в тоталитарных движениях заключается в том, что оправданное моральное отвращение элиты от лицемерия превращается в некий карнавал разрушений, который к тому же весёлый.

VI

Арендт добавила заключительную главу под названием «Идеология и террор» ко второй и последующим изданиям *«Истоков тоталитаризма»*. «Вполне может случиться, — пишет Арендт, — что неподдельные трудности нашего времени примут свою подлинную (хотя не обязательно самую жестокую) форму, только когда тоталитаризм уже уйдёт в прошлое» [Там же: 597]. Тоталитаризм, по ее мнению, не представляет собой угрозу, исходящую из западной цивилизации. Напротив, «совершенно новые и беспрецедентные формы тоталитарной организации» опираются на новый вид «базисного опыта» современной жизни, который лежит в основе и делает тоталитаризм и потенциально другие и связанные с ним формы правления не только возможными, но и вероятными [Там же: 598]. Основным опытом, лежащим в основе тоталитаризма, опытом, который продолжается и сегодня, обеспечивая достоверность тоталитаризма как вечной проблемы, является одиночество, отчуждение от политической, социальной и культурной жизни.

«Человека в нетоталитарном мире подготавливает для тоталитарного господства именно тот факт, — утверждает Арендт, — что одиночество, когда-то бывшее лишь пограничным опытом сравнительно немногих людей, обычно в маргинальных социальных обстоятельствах, таких, как старость, стало повседневным опытом все возрастающих в числе масс в нашем деле» [Там же: 620]. Одиночество — это чувство, когда «ощущаешь себя покинутым всеми, лишённым всякого человеческого сочувствия» [Там же: 616]; это «опыт тотального отчуждения от мира, опыт, принадлежащий к числу самых глубоких и безысходных переживаний человека» [Там же: 617]. Как современный феномен, одиночество проявляется в том, что Роберт Патнэм называет потерей социального капитала. Американцы всех классов и всех политических убеждений признают, что у них только несколько близких друзей, а многие говорят, что у них нет никого, кому они могут доверять или на кого могут рассчитывать в чрезвычайной ситуации.

Патнэм также показал, что одиночество увеличивается пропорционально многообразию сообщества, в котором человек живёт, указывая на то, что наш космополитический идеал может способствовать социальной скуке, которая является фундаментальным элементом тоталитаризма. Социальные медиа ещё больше питают одиночество. Хорошо документированный фильтр-пузырь социальных сетей — это эффект и причина того, что одинокие люди

нуждаются в логически последовательных вымышленных мирах. Однако это не значит, что мы должны отказаться от космополитизма или социальных сетей; напротив, нам следует серьёзно относиться к тому, как современное общество порождает одиночество и отчуждение.

Одиноким индивидуум жаждет и нуждается в «холодной логике» когерентных логических фантазий, которые кажутся «чем-то вроде последнего оплота в мире, где ни на кого и ни на что нельзя положиться» [Там же: 620]. В случае авторитарных режимов может быть пространство для частной и социальной свободы. Но тоталитаризм требует, чтобы его субъекты отказались от неполитических и социальных связей, таких как семейные связи и культурные интересы. Сообществу шахматистов, пишет Арендт, в тоталитарном государстве нет места, поскольку игроки, защищённые от одиночества своими связями, не испытывают «ощущения себя преходящей вещью»; это чувство ненужности есть то, что готовит человека к тоталитарному господству. Только одинокий человек «черпает чувство прочности своего места в мире единственно из своей принадлежности к движению» [Там же: 420].

Если тоталитаризм представляет собой «организованное одиночество», то фундаментальное одиночество современной жизни означает, что тоталитаризм вряд ли является феноменом прошлого [Там же: 420]. «Адаптивные тоталитаризмы» могут быть менее жестокими по сравнению с тоталитаризмом XX-го века, поскольку тогда требовалось отвержение бесчеловечной жестокости нацистских и советских режимов, однако они могут быть столь же тотализирующими. Именно поэтому Арендт настаивает на том, что «политически более важным критерием оценки современных событий» является ответ на вопрос «служат ли они тоталитарному господству или не служат» [Там же: 574].

Итак, как определить, являемся ли мы свидетелями роста тоталитаризма? По мнению Иммануила Канта, нет никаких правил для рефлексивных суждений; единственным критерием для политического суждения, подобно эстетическому суждению, является то, что оно утверждает и что считается истинным. Вместе с тем ещё слишком рано судить, знаменует ли президент Трамп грядущее тоталитарное правление.

Если ещё слишком рано судить, то не слишком рано опасаться. Арендт предупреждает нас, чтобы мы не попали в «софистически-диалектические интерпретации политики, которые основываются на предрассудке, будто из зла может получиться нечто благое». Тоталитаризм обесценивает «все устаревшие политические различия между правыми и левыми» [Там же: 574]. Усилия по извлечению уроков из Холокоста и концентрационных лагерей, вероятно, не принесут желаемого результата. Люди обладают «внутренне свойственной тенденцией уходить от опыта» прошлого, так что воспоминание о концентрационных лагерях кажется невероятным и, следовательно, бессильным [Там же: 572]. Подобно тому, как опыт войны не предотвращает войны, так и ужасы прошлых тоталитаризмов не обезопасят нас от будущих тоталитаризмов.

Одним потенциально надёжным способом предотвращения возвращения тоталитаризма, пишет Арендт, является страх. Недостаточно созерцать ужасы прошлого. «Только встревоженное воображение», постоянная мысль об ужасах, которые могут возникнуть, может разрешить политические разногласия и напомнить всем нам, как много поставлено на карту [Там же: 573]. Можно подумать, что, возможно, президентство Трампа даст что-то хорошее. Можно предположить, что шокируя склеротическую и коррумпированную политическую систему, президент Трамп поможет активизировать американскую демократию. Существует искушение использовать факт политического отвлечения президента Трампа в своих же целях. Но исследование Арендт об элементах тоталитарного господства показывает, что нам всегда следует находиться в страхе от тоталитарного правительства.

Другая защита против тоталитаризма — та, которую Арендт приводит в «*Истоках тоталитаризма*», но разрабатывает полностью 20 лет спустя в «*Революции*» — омоложение местного самоуправления. Поскольку все демократическое управление восприимчиво к тоталитаризму,

литарным и тираническим импульсам, большой опасностью в демократии становится единый суверенитет. «В этом отношении великим, а в длительной перспективе, возможно, величайшим достижением Американской революции явилось последовательное устранение притязаний власти на суверенитет в политической сфере республики, поскольку в ней суверенитет и тирания — это в конечном счёте одно и то же» [Арендт 2011: 210]. Именно поэтому Арендт сожалеет о провале плане Джефферсона о разделении уездов и управлении ими как миниатюрными автономиями. По образцу правительства городского совета самоуправляемые центры позволили бы всем американцам участвовать в действии свободного самоуправления. Только такие местные, противоречивые и плюралистические центры власти представляют собой практику в самоуправлении и защиту от тирании и тоталитарного правления.

В то времена, когда правительство Соединённых Штатов все больше напоминает суверенное национальное государство, опасность тоталитаризма в стране больше, чем когда-либо. Отчуждение от правительства широко распространено и носит двухпартийный характер, нечто среднее между движением чаепития и действиями гражданского протеста «Оккупай Уолл-стрит». Со стороны основной части американцев проявляется недовольство правительством, коррумпированным, закостеневшим и неспособным контролировать граждан. Единое и суверенное правительство в сочетании с бесправными гражданами представляет наибольшую опасность тоталитаризма. Лучший способ защитить себя — это, пожалуй, вернуться к истокам местного самоуправления. Мы не можем вернуться в прошлое, но могли бы все же приложить усилия увеличить количество местных силовых структур, которые могут противостоять тотализующим импульсам суверенных государств. Таким образом, мы бы вновь открыли Джефферсонский проект местного самоуправления, который, по мнению Арендт, является утраченным сокровищем американской революции.

Перевод с английского А.Г. Акопян

Арендт Х. 1996. *Истоки тоталитаризма*. — Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова, послесловие Ю.Н. Давыдова, под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. — М: ЦентрКом. — 672 с.

Арендт Х. 2011. *О революции*. — Пер. с англ. И. Косич. — М.: Издательство «Европа». — 464 с.

Бенедиктов К.С. 2016. *Чёрный лебедь. Политическая биография Дональда Трампа*. — Книжный мир. — 352 с.

Вейль С. 2000. *Укоренение. Письмо Клирику*. — Киев: Дух и литера. — 350 с.

Речь Дональда Трампа... 2017. Речь Дональда Трампа в Конгрессе. — *ИноСМИ*. — 01 марта. — Доступно: <https://inosmi.ru/politic/20170301/238799779.html>. — Проверено: 20.02.2018.

Речь президента США... 2017. Речь президента США Дональда Трампа на церемонии инаугурации. — *Русская служба «Голоса Америки»*. — 20 января. — Доступно: <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-inauration-speech/3685345.html>. — Проверено: 20.02.2018.

Berkowitz R. 2017. Why Arendt Matters: Revisiting «The Origins of Totalitarianism». — *The Los Angeles Review of Books*. — March 18. — Access Mode: <https://lareviewofbooks.org/article/arendt-matters-revisiting-origins-totalitarianism/#>. — Verified: 20.02.2018.